

лагал, что без разгрома англичан или тайного сговора с ними – а к концу июня 1941 г. не было достигнуто ни то ни другое – нацисты не начнут войну на Востоке, ибо это означало бы риск войны на два фронта, чего Гитлер ни в коем случае не мог и не должен был допустить. Поэтому даже в канун 22 июня 1941 г. И.Сталин считал, что у него есть определенный запас времени для опережения смертельного врага. Сообщения же о сроках вторжения вермахта в Кремле расценивали как составную часть провокационной игры Запада, а возможно, и некоторых кругов в Германии.

Гитлер же полагал, что Британия, даже поддержав СССР после начала “Барбароссы”, не создаст серьезных помех Германии и тем более не откроет второй фронт в Европе. Его расчет полностью подтвердился.

Однотипность стратегических замыслов Гитлера и Сталина – опережающий удар и быстрая победа – вовсе не означала совпадения их политических замыслов, а значит, характера планируемых войн. Для Берлина разгром СССР, помимо жестокого насилия и истребления миллионов советских людей, был решающей предпосылкой в окончательном порабощении народов Европы и других континентов. Для Москвы же разгром Германии означал главным образом устранение угрозы нацистского порабощения СССР, хотя при этом возникала бы опасность советизации Юго-Восточной Европы и, возможно, Германии. Но даже в наихудшем варианте эта опасность с точки зрения *всех народов Европы* была бы несравненно меньше той, которая выростала из замыслов нацистов и которая стала реальностью после 22 июня 1941 г.

А.Витале
Милан, Италия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕЛЯХ И МЕТОДАХ СОВЕТСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД 1938–1940 ГГ.
В ИТАЛЬЯНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ДОКУМЕНТАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ

В годы, предшествовавшие началу второй мировой войны, советская внешняя политика изучалась и анализировалась с двух точек зрения, которые иногда совпадали, но чаще различались – с дипломатической и с журналистской. Последняя проявлялась на страницах журналов, занимавшихся проблемами внешней политики, среди которых важнейшим был журнал “Внешняя политика”.

Целью данного сообщения, кроме выделения новых элементов в оценке советской внешней политики, является также нахождение совпадений и различий между двумя вышеуказанными подходами.

В период между 1937 и 1940 гг. советская внешняя политика рассматривается с позиций совершенно противоположных. Если до 1937 г. она освещалась достаточно объективно, то с 1938 г. она проходит своеобразный идеологический фильтр, через который смотрели на СССР как дипломаты, так и международные журналы. В связи с этим все менее реалистичными становились оценки дипломатических источников относительно военного и государственного потенциала, внешней политики Советского Союза.

Исключение составляли дипломатические донесения посла Италии в Москве Аугусто Россо, занимавшего этот пост с 1936 по 1941 гг., чья достаточно верная оценка коснулась прежде всего развития событий, связанных с пактом Риббентропа-Молотова; Россо также обстоятельно описывал советскую внешнюю политику периода Литвинова с его попытками предотвращения мирового конфликта, стремлением сдержать Германию, опираясь на итальянскую поддержку; он рассматривал воздействие сложностей развития внутривнутриполитической ситуации на внешнюю политику, значение отставки Литвинова, так и не оцененного по достоинству в мировом сообществе.

Согласно сообщениям Россо, Литвинов справедливо оценивал намерения Гитлера и в 1938 г. отмечал, что Мюнхенское соглашение вовсе не отдалило опасность войны, как первоначально полагал сам итальянский посол. Только впоследствии Россо признал, что Мюнхенское соглашение было результатом недоверия к Советскому Союзу со стороны западных держав и отсутствие взаимопонимания между Востоком и Западом стало истинной причиной войны.

Из дипломатических документов видно, что Россо не зафиксировал сразу изменений в советской внешней политике после замещения Литвинова Молотовым, хотя с наблюдательного поста в Москве сделать это было проще всего (он писал скорее об изменениях методов, чем сущности внешней политики). Это касалось также советско-германских переговоров и всей советской внешней политики, предшествовавшей советско-германскому пакту августа 1939 г. Итальянская дипломатия весьма скептически оценивала возможность принятия Советским Союзом германских предложений и не способна была оценить радикальный поворот, как известно, произошедший в советской внешней политике. Надолго дипломатическая практика Молотова останется загадкой для посла Россо, сконцентрировавшего основное внимание на ликвидации старой советской дипломатической

школы и на укреплении новых членов сталинской бюрократии, чья природа была абсолютно противоположной литвиновской.

Дипломатический материал относительно советского конфликта с Финляндией, напротив, является достаточно скудным и, в целом, не подготовлен к отрицательной реакции. Только в связи с “зимней войной” 1939–1940 гг. была дана оценка наступательных возможностей Советской Армии и стратегической разведки ее Генерального штаба. Оценка СССР как военной державы была двойственной: с одной стороны, отмечалась как сильная черта многочисленность армии, с другой – слабость ее военно-технического и кадрового потенциала.

В 1940 г. наблюдался отход от негативной оценки советских попыток возобновить переговоры с Италией, в частности инициативы Молотова заключить двустороннее соглашение с Италией, которое в конечном итоге провалилось из-за отсутствия необходимых политических предпосылок.

В некоторых итальянских дипломатических документах отмечается оборонительный характер советской внешней политики, начиная с 1937 г., который затем претерпел изменения в связи с Мюнхенскими соглашениями, что проявилось в незаинтересованной советской реакции на вторжение в Восточную Европу и, наконец, в заключении советско-германских соглашений 1939 г. Результатом этого стала сдержанность и самоконтроль советской дипломатии, начиная с уравновешенной позиции Литвинова и заканчивая игрой советской дипломатии, имеющей целью отодвинуть вступление СССР в войну.

В журнале “Международные отношения”, основанном Институтом исследований мировой политики в 1933 г., в период между 1938 и 1940 гг. преобладали заметки о советской внешней политике в отношении Балтийских стран, советско-финском конфликте, советско-германском пакте. Документы, представленные в журнале, совпадают в значительной части с теми, что представлены в подборке дипломатических документов. Большинство из них содержали необходимые объяснения и интерпретации событий текущего момента и подтверждали документами основные линии советской внешней политики. В связи с этим можно обратить внимание, особенно в некоторых номерах, на тему возобновления русской экспансии на Запад, рассматриваемую в историческом контексте, характеристику стратегических позиций России в Балтийском регионе, на материалы, касающиеся поиска ею незамерзающих проливов как в Финляндии, так и в Балтийских странах, и особенно действий советской дипломатии и беспомощности мирового сообщества перед лицом силовых действий.

Авторы статей подчеркивали политическую ловкость и основательную целеустремленность советской внешней полити-

ки, избегая при этом генерализации, присущей итальянским дипломатическим документам, оставляя поле деятельности будущим историкам, как это имело место, например, в отношении оценки интриг советской внешней политики.

Пер. с итал. А. Михайленко

Н.Д.Смирнова
Москва

СОВЕТСКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939–1940 ГГ.

“Несостоявшаяся Антанта” – так охарактеризовал содержание советско-итальянских отношений 1940–1941 гг. крупнейший итальянский историк-международник Марио Тоскано. Книга под таким названием вышла в 1953 г. История того, как развивались переговоры между СССР и Италией в связи с предполагавшимся политическим соглашением, которое должно было урегулировать интересы обеих стран в Балкано-Дунайском регионе, в проливах, в Средиземноморье и Черноморье, освещалась подробнейшим образом по документам министерства иностранных дел Италии, многие из которых стали доступны только в последнее десятилетие.

В советской историографии проблема политических и торгово-экономических отношений с фашистскими государствами находилась под идеологическим запретом. С трудом проходили работы, в которых упоминались итало-германские противоречия конца 1930-х гг. Блок должен был выглядеть монолитным, спаянным единой целью.

Вместе с тем Италия, занимая подчиненное положение в системе “оси”, пыталась тем не менее играть по возможности самостоятельную роль. Особенно тогда, когда дело касалось Балкан и Восточного Средиземноморья.

После начала войны в Европе Италия, пользуясь статусом невоюющей страны и исходя из общности интересов с Советским Союзом, шла на сближение с ним, чтобы усилить свой вес в европейской политике. В частности, это заключалось в том, что ни Италия, ни СССР не были заинтересованы “в перспективе опасном и переходящем за определенные рамки усилении Германии”.

Осенью 1939 г. в советско-итальянских отношениях наметился несомненный прогресс в развитии торгово-экономических отношений. Объективно Италии, подспудно опасавшейся, что ее интересы на Балканах могут пересечься с советскими, было выгодно отвлечение СССР на Север Европы. Но в этот период